

Н

аписать свежий художественный текст о времени Ивана Грозного, — задача не самая простая. И, тем не менее, недавно вышедшая в свет книга белгородского историка Виктора Васильевича Овчинникова уверенно заявляет о себе, а сам факт художественного решения весьма неоднозначных исторических перипетий требует анализа и комментария¹. Жанр рецензии, по определению, предполагает поиск не столько универсального, сколько уникального в рассматриваемом опусе. Так чем же привлекательна данная работа?

Сначала обратим внимание на подзаголовок: избранные картины. Каждая глава — отдельный слепок. Так оно и есть, но при этом все прошито единым стилем и единой когницией — пониманием исторического времени.

Перед каждой главой дано краткое содержание в виде интригующих вопросов, не без изящества округленных «рамочными» словами: *Глава первая. Из нее читатель узнает, как трудно было...* или завершающим пассажем, например: *Обо всем этом повествуется в шестой главе.* Такое предварение облегчает восприятие сюжетного действия, тем более что «картины» призваны сформировать нечто целостное — полотно понимания немаловажных исторических событий, предшествующих воцарению династии Романовых. Говорят, по тому, как писатель сумел расставить слова в главици произведения, можно судить о степени отточности и свежести стиля.

«Картины» снимают вопрос о жанре. Повесть ли это? Скорее нет, чем да. Роман ли? Тоже скорее нет, не роман. Но парадоксально при этом, что «в картинах» много есть добротного и от жанра повести, и от жанра романа. Анализируя известное симфоническое произведение М. Мусоргского «Картинки с выставки», Марина Рахманова пишет о преобладании в ту пору и в литературном творчестве жанров «картин», «очерков», «типов», «сцен», «заметок». Во главу угла тем самым ставилось знание народной жизни². Таким образом, «Риза Господня» реконструирует, оживляет, восстанавливает в правах стародавний жанр «картин», что, безусловно, значимо в свете развития отечественной жанрологии.

Композиционный выигрыш книги дополнен пластикой повествования. Эту пластику можно почувствовать с первых страниц, однако известно, что «пластика» весьма трудно поддается анализу. Еще К. Станиславский говорил, что кошка в своих движениях пластична, а студент, неуклюже поднявший с пола платок девушки, нет. И по отношению к рецензируемой книге не сразу открываются сек-

реты пластики. На наш взгляд, это умение автора плавно переходить от одного типа текста к другому, к третьему, от повествования к рассуждению, к описанию. Впрочем, секрет пластики не только в тонкости переходов, но и в самих описаниях, повествованиях, рассуждениях. Повествования, или, по современной терминологии, нарративы, динамичны, прозрачны в своих поворотах. Описания одежды или снаряжения героев выразительны, можно даже сказать — изысканны. Тут нет засилья слов-историзмов (нет *зипунов*, *кокошников*). Описания приближены к нам, и это право автора — именно так запечатлеть образы.

Все предметы, вплоть до малозначащей безделицы, имели свое особое место, и в царящей кругом почти идеальной чистоте чувствовалось невидимое присутствие хозяина. Было очевидно, что старший Чернышев ежедневно, а то и не раз в день оказывался здесь, среди этого необыкновенного мира книг в самых разнообразных окладах, среди свитков старинного пергамента, деревянных дощечек... (с. 99)

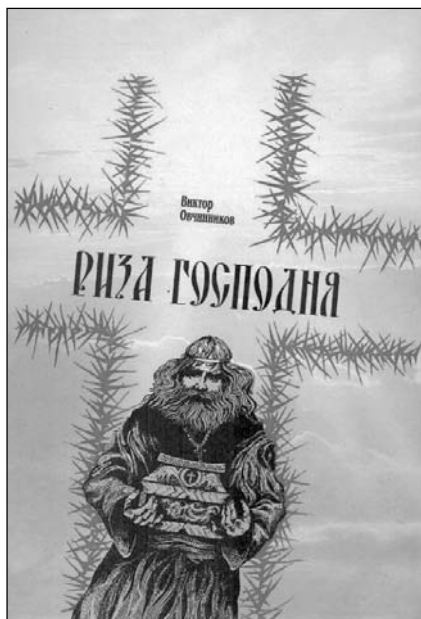
Главный зал дворца Чернышевых ни на минуту не оставался без присмотра. <...> Столы и скамейки из ясеневой и липовой пород дерева были выскоблены и вымыты до естественного цвета первого распила, так, будто еще вчера их точить завершили деревянных дел мастера с Китай-города. Под стать им был дубовый пол. (с. 169)

Рассуждения интересны тем, что герои в несобственно-прямой речи раскрывают тонкости «дипломатического протокола», а где вершина власти — там приоритет дипломатии и, соответственно, особый стиль поведения в ситуациях как поддержки, так и противостояния.

Но Ахмед потому и оставался все последние годы глазами и ушами Шах-Аббаса в Москве, что был смышлен, умен и пронырлив. Научился при любой ситуации блюсти свой интерес, выживать в самой сложной обстановке, почти всегда выходил сухим из воды, выкручивался из самого сложного положения. <...> Пристально и вдумчиво следил не только за тем, что происходило в окружении обеих государей, в домах знатных князей и бояр, но и в делах, на первый взгляд, казалось бы, далеких от сферы интересов Властителя Персии. (с. 278)

Чем еще привлекателен рассматриваемый нами сейчас текст? Своим позитивом. История России средних веков, да и более поздних, десятилетиями изображалась писателями — «инженерами человеческих душ» — как нечто мрачное, унылое, кроме, конечно, воинских подвигов. А то, что были верные и стойкие люди, были заботливые супруги и матери, были дети, достойные своих родителей, — все это если и прописывалось, то мимоходом и скороговоркой, тогда как в этой книге немало примеров достойного поведения, причем не только по отношению к главным героям. Да и не выжила бы Россия, если б не было в сердцах россиян того, что хотелось бы подвести под концепт ДОСТОИНСТВО. О нет, в книге представлены и кровопролитные кулачные бои, и пытки, и изнуряющие испытания, но, тем не менее, повторим и подчеркнем, в книге много позитива.

Позитив авторского письма парадоксально, альтернативно высвечивают весь-

ма мрачные по рисунку иллюстрации талантливого художника В.В. Козьмина, своими эскизами напоминающего, что изображаемые в книге события более чем драматичны, если не трагичны. Диалог рисунка и текста обогащает и словесную, и изобразительную ткань книги.

О самом главном мы пока еще ничего и не сказали. В дни, когда писалась рецензия, по радио передали, что в Орле открыли памятник, первый в России, Ивану Грозному (15.10.2016). Наше общество пересматривает историю, пытаясь осознать непростые узлы ее и столь частые катаклизмы. Насколько новая книга В. Овчинникова исторически достоверна, до какой степени убедительна? Согласимся, что о том времени пока еще маловато написано «новенького». Из недавних работ вспоминается исследование (не художественное, а филологическое) Натальи Гранцевой³, где сквозь призму «Россиады» Михаила Хераскова рассматриваются события, связанные с взятием в 1552 году Казани Иваном Грозным⁴. Дело еще в том, что вопрос об убедительности и достоверности неправильно поставлен в принципе. Даже при отражении известных событий художественный текст всегда условен. Его правда не столько в точности деталей, сколько в точности впечатлений, о чем пишет известный культуролог Константин Фрумкин⁵. Не разрешая автору творчески переосмысливать прошлое, мы это прошлое невозвратно теряем. Виктор Овчинников не побоялся выстраивать свою собственную художественную концепцию, и в итоге получилась не просто легко читаемая, но и хорошо запоминающаяся книга.

Интересны в этом повествовании и лейтмотивы, например, лейтмотив метели. Не только потому, что речь идет о Масленице, а это значит зима, а зима в России — это метели, сугробы, морозы, зимние игры и забавы. Зима как никакое другое время года созвучна образу нашей родины, а описания метелей вызывают ассоциации и с А.С. Пушкиным («Метель», «Капитанская дочка»), и с музыкой Г.В. Свиридова, и с Н.В. Гоголем («Шинель»). Не единожды метель и мороз выступают в тексте как действующие лица.

Метель разыгралась не на шутку... <...> Невидимый творец зимнего хаоса, извергавший с небес, будто проснувшийся вулкан, то и дело завывающие волны, но не огненной лавы и черного пепла, а из ледяной колючей крошки и студеного обжигающего ветра, по-видимому, добивался одной цели — остаться в одиночестве, разогнав московский люд по скрывшимся в сугробах жилищам. (с. 219–220)

К спящим соглядатаям тут же потянулись бесчисленные, безжалостные, колючие руки студеного мороза, они разгоняли волны стужи, проникавшей из приоткрытого окна... (с. 258).

Да, метель, да, морозы. Но Россия, как «известно» едва ли не всему Западу, — это еще и медведи! В повествовании не обошлось и без них. И тоже не самое известное сказано, причем правильное, «позитивное», как убивали вовсе не для демонстрации силы, храбрости и власти над окружающей природой, а чтобы не умереть с голоду в момент окружения войска.

Как повествователь Виктор Овчинников бывает и весьма лиричен, что интонационно расцвечивает историческую ткань текста. Отчасти это обусловлено и тем, что сам автор пишет стихи (вспоминается поэма «Герои» о судьбе двух инвалидов-фронтовиков). Интригующие повороты сюжета перемежаются с лирическими вставками не только пейзажного характера.

Каждое удачное возвращение из татарских степей убеждало Кривцова в чудесных свойствах родной оскольской земли. Молодой казак оторвал веточку чабреца и опустил ее туда же, в мешочек, затем затащил тесемку, перекрестился и бережно положил талисман [горсть речного песка] обратно в котомку. (с. 160)

Для лучшего впечатления автору и слова понадобились особые, которые не каж-

дый день мы встречаем, если вообще встречаем. Немного таких редких слов, они идут как инкрустация к общему строю художественной речи: *в украинских городах и русских форпостах; покулачивать; с кем чарочничает; по недосмотру спьянчившихся братьев; благорасположение Патриарха; святоленое и равноангельское лицо; с ранних лет воспитанное стремление к самосбережению; он молился вдохновенно, распевая добродетельные слова негромко, тихозвучно, так что они как бы были слышны и не слышны одновременно.*

Что касается характеров, то главные герои отнюдь не просты, не линейны. О, это люди или прозорливые, или беспредельно выносливые, или удивительно образованные (мы застаем их за книгой, за размышлениями). А очаровательная Наталья Васильевна?! Так что трагические сцены пыток, казней перемежаются свидетельствами уникальных способностей наших предков, не сгинувших в перипетиях истории.

Князь отдавал себе отчет в том, что Грузинец обладал уникальным талантом обнаруживать необходимую информацию там, где любой другой ее не мог бы отыскать, если бы даже это делал специально (с. 12).

За то и ценил Ивана Васильевича Чернышева Патриарх Филарет, что никому не удавалось того обвести вокруг пальца. Как князь умел докопаться до истины там, где даже дюжина пытчиков оказывалась бессильной, никто не знал (с. 255).

После известных трудов М.М. Бахтина литературоведение всерьез стало интересоваться хронотопом. Хронос, время, в этих «картинах» предельно уплотнено: февраль-март, Масленица, Широкий четверг. А топос, пространство, — это перекрестие Персии, Грузии (Мхцета) и России. Россия изображена в переклочении двух географических точек: Московии и ...Белгорода с Осколом (меловой храм, известный сейчас как «Холки», а некогда подземный город!). А с запада — неоднократные нападения литовцев, а с востока — татары. Такой вот узел, внутри которого действуют герои текста.

Совсем недавно, вслед за Умберто Эко, лингвисты обратили внимание в художественных текстах на... перечисления, каталоги⁶. Полагаем, что историческое повествование выстраивает свои предпочтения при каталогизации описываемого. Это, например, перечень яств на столе или перечень всего того, что было в кратчайший срок выстроено при создании крепости.

Они молча установили стол длиной в две сажени, на который легко взгромоздили корзины с булками, пирогами, кусками жареного и вареного мяса, соленым вырезубом, деревянные тазы с блинами, глиняные чаши со сметаной и кувшины с молоком (с. 178).

За день-другой они, командуя тремя сотнями служилых людей, собирали башню в десять саженей в высоту, жилой дом для станицы, сарай для лошадей, амбар с ямой для хранения продовольствия, а из оставшегося теса устанавливали бревчатые стены. Затем все воины Буйноса дружно рыли вокруг крепостцы глубокий ров (с. 214).

И последнее. При анализе исторического текста всегда делают проекции на современность. Разве не актуально звучат следующие наблюдения автора? Разве не в адрес наших проблем заострена в них мысль? Начнем с обмолвки: «многочисленным родом крепок»... (с. 196). Большая семья, «гнездо» крепит человека. Или другой отрывок о ценности дела, а не слова: *Старцы как наставляли: как поступишь, так оно и будет! Поступок — он всегда впереди шествует, по поступкам о государях и судят, что бы потом ни свидетельствовали льстецы-летописцы (с.306).* О внимании к старым людям как советчикам, о разрушении института аксакалов в нашей стране пишет в своей статье В. Бочаров⁷. В книге читаем и об этом: *У вас, за горами, далеко-далеко от наших земель есть один древний*

обычай — терпеливо слушать стариков. Думаю, что и ты его почитаешь, не так ли? (с. 287)

В своем анализе мы избегали пересказа содержания, чтобы читатель сам окунулся в стихию описываемых событий. Нам же остается только сказать, что эта книга — достойное художественное зеркало немаловажного фрагмента нашей общей истории⁸.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Виктор Овчинников. Риза Господня: Избранные картины истории Московского Царства. — Белгород: ЗАО «Белгородск. областн. типография», 2016. 328 с.

² Рахманова М. «Я понимаю народ как великую личность...» К 150-летию со дня рождения М.П. Мусоргского // Москва. 1989. № 3. С. 179.

³ Гранцева Н.А. Сказанье русского Гомера. — СПб.: Изд-во «Журнал «Нева», 2012. 224 с.

⁴ Подробнее: Подъём, 2016, № 8.

⁵ Фрумкин К.Г. «Экспертократия» против писателей и читателей // Нева. 2011. № 4. С. 179–191.

⁶ Жолковский А. Каталоги // Звезда. 2014. № 6. С. 223–234.

⁷ Бочаров В.В. Молодость против старости // Нева. 2008. № 1. С. 170–180.

⁸ *Несколько строк об авторе:* Виктор Васильевич Овчинников окончил аспирантуру при Московском государственном университете, преподавал в белгородских вузах. Главный редактор Белгородской энциклопедии, автор более ста научных работ и нескольких книг по истории Белгородчины.